

Серда Г.К. К проблеме соотношения основных видов памяти в концепции «Деятельность – Память – Деятельность» // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2009. № 2. <http://www.psyanima.ru/>.

К проблеме соотношения основных видов памяти в концепции «Деятельность – Память – Деятельность»

Г.К. Серда

Проводится анализ противоречивых моментов в концепции «Деятельность – Память – Деятельность». Разрешение выявленных противоречий следует искать в рамках деятельностного подхода и культурно-исторической концепции памяти Л.С. Выготского. Выход из зафиксированных противоречий заключается в переопределении понятия памяти, которое должно опираться на идею о том, что память является одновременно и действием, и его продуктом.

Ключевые слова: концепция «Деятельность – Память – Деятельность», культурно-историческая концепция памяти Л.С. Выготского, произвольная память.

Основная линия изучения процессов памяти в советской психологии развивается в русле так называемого деятельностного подхода, суть которого состоит в том, что в качестве общей единицы анализа мнемических процессов рассматривается действие субъекта [5, с. 4].

Первая формулировка положения о деятельностной природе памяти принадлежит у нас Л.С. Выготскому: «Память означает использование и участие прошлого опыта в настоящем поведении, с этой точки зрения память и в момент закрепления реакции, и в момент ее воспроизведения представляет собой деятельность в точном смысле этого слова» [1, с. 146]. В другом; месте, выражая идею зависимости характеристик человеческой памяти от особенностей деятельности, Выготский формулирует «основную задачу новых исследований» как задачу «не из свойств памяти объяснить ее развитие, а из ее развития вывести ее свойства» [6, с. 11].

В последующие годы этот подход был реализован и развит в ряде фундаментальных экспериментально-теоретических исследований (Леонтьев, 1931; Смирнов, 1948; Зинченко, 1961), и в настоящее время можно говорить о сложившейся теоретической позиции, которую можно назвать концепцией «деятельность — память — деятельность»¹. Становлению указанной концепции в особенности способствовали исследования произвольного запоминания [4; 12], позволившие сформулировать ее центральное положение как положение о закономерной зависимости характеристик запоминания материала от его места в структуре действия. Это серьезное продвижение общей теории памяти оказывает существенное влияние на дальнейшее развитие исследований данного направления.

Вместе с тем по мере развития концепции «деятельность — память — деятельность» в системе ее понятий стали все более отчетливо выступать некоторые неясные и противоречивые моменты, преодоление которых наталкивается на серьезные

¹ В предыдущих наших работах мы именовали ее концепцией «память – деятельность» [8; 9 и др.]. Однако сама идея определяющей роли деятельности в развитии процессов памяти предполагает вынесение этого понятия на первое место.

теоретические трудности. Их источником является нечеткая трактовка соотношения самих центральных понятий концепции, т.е. понятий «память» и «деятельность» [см. 9]. В одних случаях это соотношение трактуется как зависимость памяти от деятельности, в которую она включена [4, с. 186; 12, с. 108], в других — сама человеческая память определяется как деятельность [4, с. 515; 12, с. 330]. Однако деятельностью можно назвать фактически только произвольную память, ибо в рассматриваемой концепции произвольная память определяется как «продукт» или «итог» деятельности [4, с. 141; 12, с. 108]. Но если то, что мы называем произвольной памятью, есть память и если эта память не может быть названа деятельностью, то не может быть принято и общее положение о том, что память есть деятельность. Следовательно, либо память есть деятельность, и тогда произвольная память не есть память, либо произвольная память есть память, и тогда память не есть деятельность.

В упомянутой, нашей работе показано, что при сложившемся подходе к определению основных видов памяти задача приведения их к общему роду остается неразрешимой и что выход из этого противоречия предполагает прежде всего нахождение единого механизма человеческой памяти, составляющего общую основу обеих ее разновидностей. Несмотря на то, что указанное противоречие представляется теперь очевидным, преодоление его чрезвычайно осложняется тем, что оно имеет глубокие исторические и теоретические корни. В данном контексте особую актуальность приобретает рассмотрение проблемы с генетической стороны, т.е. со стороны развития представлений о соотношении произвольной и произвольной памяти в рамках того направления, которое мы называем деятельностным подходом. Такое рассмотрение проблемы и составляет основную задачу данной статьи.

Система научных представлений, которую выше мы назвали концепцией «деятельность — память — деятельность», в наиболее полном и законченном виде выступила в известной монографии П.И. Зинченко [4]. Рассматривая вопрос о становлении соответствующих понятий, мы, не оговаривая этого каждый раз специально, будем исходить из того, что здесь они представлены в наиболее развитой форме. Одна из фундаментальнейших идей, сформулированных П.И. Зинченко в качестве теоретического итога всех его исследований — это идея генетической преемственности произвольного и произвольного запоминания как двух последовательных ступеней в развитии памяти человека. В соответствии с этим П.И. Зинченко стремился как можно отчетливее обозначить линии близости и родства их психологических механизмов. Однако провести линию действительного континуитета в развитии произвольной и произвольной памяти оказалось невозможно вследствие того, что эти виды памяти были помещены в различные плоскости психологического анализа (одна — действие, другая — продукт действия), в связи с чем и генетический план рассмотрения проблемы представляет собой противоречивую картину: с одной стороны, ставится задача «преодоления укоренившегося в психологии противопоставления высших форм памяти низшим» [4, с. 516], с другой стороны, трактовкой произвольной памяти как «специфически человеческой» [4, с. 41] утверждается ее противоположность произвольной памяти как общей у человека и животного.

Таким образом, хотя человеческое произвольное запоминание объявляется и активным (немеханическим), и смысловым, и логическим, но между произвольной и произвольной памятью человека сохраняется бо́льший барьер, чем тот, который разделяет произвольную память человека и животного. Возникает вопрос, откуда это противоречие и каковы его теоретические и исторические корни. Поиски приводят нас к культурно-исторической концепции памяти Л.С. Выготского. Как известно, ему принадлежит первая «систематическая попытка перестроить психологию на основе исторического подхода к психике человека» [7, с. 3].

Важнейшее методологическое положение теории Выготского, его «центральная, краеугольная идея» [6, с. 12] состоит в том, что все собственно человеческое в психике человека имеет не природное, а социальное происхождение. Его содержание не «дано» индивиду природой, а «задано» ему обществом, следовательно, развитие его идет не «от природы» а от «культуры». В качестве исходного пункта всего своего исследования Выготский рассматривает «различие двух линий психического развития ребенка», соответствующих двум линиям филогенетического развития поведения [3, с. 46] – биологического и культурного [3, с. 38]. В соответствии с этим он проводит резкую разграничительную линию между так называемыми низшими (натуральными) и высшими (культурными) функциями в психическом развитии ребенка. Одной из определяющих характеристик высшей психической функции Выготский считает ее произвольность. Произвольное выступает у него синонимом высшего, культурного, опосредствованного, знакового. Выготский неоднократно подчеркивает равнозначность этих понятий, «выражающих одну и ту же мысль» [3, с. 23, 173, 370]. Более того, в системе понятий культурно-исторической теории произвольность приобретает статус основного системообразующего фактора. Так, говоря о специфике поведения, соответствующего уровню «собственно исторической человеческой психологии» [3, с. 172] как высшей ступени в ее развитии, Выготский замечает: «Мы могли бы эту четвертую ступень в развитии поведения по аналогии с интеллектом назвать *волей*» [3, с. 173].

Выдвигая постулат произвольности высших психических функций, Выготский, конечно, имел в виду лишь то, что человеческая психика произвольная по своему *генезису*, а не по способу функционирования в каждом отдельном случае. Он, безусловно, понимал, что высшие психические процессы могут быть как произвольными, так и произвольными, что всякая произвольная функция является высшей, но не всякая высшая – произвольной.

Анализируя генетическую теорию внимания Титченера, Выготский пишет: «Едва ли можно привести более веские доказательства в пользу происхождения вторичного внимания из первичного, чем тот факт из повседневного опыта, что вторичное внимание *непрерывно превращается в первичное*» [2, с. 398] (выделено нами. — Г.С). Иными словами, вторичное (произвольное) снова становится произвольным, но, будучи «производным» первичным, т.е. по своему генезису опосредствованным, оно уже не становится «низшим». Мы могли бы сказать, что это «производное произвольное» или «произвольное высшее» внимание. Чрезвычайно интересные и важные для нашего контекста мысли о соотношении понятия произвольное — произвольное содержатся только в одной из известных нам работ Выготского — в его статье о развитии высших форм внимания [2]. Однако они могут быть с полным правом отнесены и к другим психическим процессам, в том числе и к памяти. В высказываниях о памяти [например, 3, с. 258, 370] на эти идеи, к сожалению, нет и намека (возможно, потому что «высшая» память в них постоянно определяется как «логическая», а не произвольная»). По существу же принятая Выготским синонимия понятий дает нам полное право и для соответствующих смысловых переносов. В упомянутой работе о внимании он говорит, что «произвольное и произвольное внимание относятся друг к другу так, как логическая память к мнестической функции» [2, с. 401].

Таким образом, по Выготскому, произвольная память (как и произвольное внимание) в принципе может представлять собой и «самую высшую ступень» развития соответствующей психической функции [2, с. 399]. Из этого следует вывод о том, что «произвольное внимание — это не синоним низшего. Если все натуральное в психике произвольно, то не все произвольное натурально. Тем не менее в нашей психологической литературе в последующие годы и вплоть до настоящего времени представление о произвольном оказалось как бы жестко связанным с «низшей» сферой

психики. (При этом обычно имеется в виду именно то произвольное, которое является уже «производным первичным» и может быть определено как «самая высшая ступень».) Такое представление, как будто совпадающее с тем, что выделено нами в цитате из статьи Выготского [2, с. 398], не является, однако, следствием чистого недоразумения. Источник его формирования следует искать там же, в работах Выготского.

Как уже было сказано, мысли о высшем произвольном, («производном первичном») содержатся только в одной из работ Выготского [2], во всех других его статьях, в том числе в лекциях о восприятии, памяти, мышлении, воображении и др. [3], картина развития высших психических функций представлена как двухфазный процесс, в котором переход от натурального к культурному выступает вместе с тем как переход от произвольного к произвольному. Иными словами, произвольное фактически представлено как эквивалент низшего, которое определяется «чисто естественными законами» [3, с. 220], «общими у человека и высших животных» [3, с. 225]. Данный вопрос в особенности осложнился тем, что рубеж между фазами развития психики ребенка намечен Выготским где-то в начале школьного, а то и «поблизости от юношеского возраста» [3, с. 274]. Таким образом, натуральными оказываются достаточно развитые, вербализованные человеческие функции.

Противопоставление натурального и культурного в психике человека в нашей литературе неоднократно подвергалось критике, однако представление о произвольном как *общем у человека и животного* сохранилось. Мы считаем, что при всей справедливости критики учения о высших и низших стадиях развития детской психики основания для этой критики не были достаточно четко определены и сформулированы. В самом деле, введение понятия культурной, или высшей, стадии в развитии человеческой психики является наиболее прямым следствием стремления Выготского «пробиться из биологического пленения психологии в область исторической человеческой психологии» [3, с. 132]. Оно составляет ядро теории Выготского и предполагается самой идеей интериоризации социальных форм психики и поведения. Признавая, что человеческая психика есть продукт интериоризации социального, мы должны признать также и то, что для усвоения отношения социального порядка у ребенка может быть только какая-то «низшая» психика. В этом смысле вызывает возражение не само по себе выделение стадий развития, а лишь намеченная Выготским граница между ними, что, конечно, не является чисто хронологическим смещением.

Нам представляется, что подлинной причиной отмеченного смещения было отождествление высшей (как специфически человеческой) психической функции с понятием произвольной функции. Это произошло в результате генерализации принципа произвольности высших психических функций, которая привела к смещению генетического и функционального аспектов проблемы. Именно критерием произвольности пользовался Выготский при определении эпох развития, выделяя его среди трех, с самого начала объявленных равными, признаков человеческой психики как высшей (социальной), культурной (знаковой) и произвольной (самостимулирующейся) формы внутренней деятельности.

Таким образом, граница между низшей и высшей фазами развития, которая должна быть представлена не как линия, а как полоса, ограниченная с одной стороны функцией *речи*, а с другой — функцией *воли*, была благодаря «гегемонии произвольности» полностью перемещена на линию воли, что явилось нарушением неоднократно декларированного тезиса о том, что «основными эпохами развития являются безъязычный и языковой периоды» [3, с. 230]. Вследствие этого все произвольные процессы человеческой психики автоматически оказались в одном ряду с явлениями психики животных, и подобно тому как культурное стало синонимом произвольного, произвольное стало синонимом натурального (см. схему).

Натуральная стадия	В О Л Я	Культурная стадия
Непроизвольная память человека и животного		Произвольная память человека

Мы считаем, что объективно в системе Выготского имеется достаточно оснований для того, чтобы в основу выделения периодов развития памяти было положено проведение границы между стадиями развития по линии речи (см. схему).

Натуральная стадия	Р Е Ч Ь	Культурная стадия		
Непроизвольная память животного		Непроизвольная память человека	В О Л Я	Произвольная память человека

Именно на этом рубеже начинается развитие всех высших психических функций (в том числе и воли) в единой системе психического развития ребенка. Такой подход обеспечивает «реабилитацию» человеческой непроизвольной памяти как высшей психической функции, в качестве необходимого и достаточного основания для этого принимается ее речевая опосредствованность. Поскольку непроизвольная память человека выступает как производная первичная, она тоже может рассматриваться как деятельность. Однако при этом надо различать внешнюю по отношению к памяти деятельность (ту, в которую она включена и которую она обслуживает) и саму память как свернутую внутреннюю деятельность, которая обеспечивает сцепление элементов внешней деятельности. В формуле «деятельность – память – деятельность» имеется в виду, следовательно, прежде всего «внешняя» деятельность, соотнесенная с определенным мотивом (т.е. отвечающая определенной потребности). Когда же мы саму память называем деятельностью, то употребляем это понятие в другом значении, имея в виду психическую активность, которая соотносится с мотивами и целями не прямо, а лишь через посредство внешней деятельности. На этом уровне мы наблюдаем не действия, а предельно свернутые операции, структуру которых можно выявить только путем их обратного развертывания (от результата к исходным условиям), но поскольку это развертывание теоретическое, где достоверность может быть фактически подтверждена только соответствием получаемого результата (запоминания) его предполагаемым и программируемым в опытах характеристикам.

В одной из наших работ [10] была предпринята попытка такого развертывания мнемической операции в познавательное действие в условиях обучающего эксперимента. Это позволило описать структуру мнемической фазы действия и определить ее содержание как временное соотнесение текущих и предстоящих актов деятельности, осуществляемое на различных уровнях в соответствии с целевыми и мотивационно-потребностными установками индивида [11]. Операция временного соотнесения составляет, как мы думаем, то содержание памяти, которое является общей основой всех форм и разновидностей последней. В этом смысле произвольная и непроизвольная память также не отличаются одна от другой. Используя выражение Выготского, можно сказать,

что произвольная память отличается от непроизвольной «только способом возникновения, но не способом функционирования» и что ее развитие совершается не по типу изменения и совершенствования функции, а по типу «изменения самой формулы поведения» [2, с. 399].

Таким образом, мы можем оказать, что используя мыслительную обработку материала с целью его запоминания, мы изменяем формулу поведения, делаем это поведение произвольным. Само же запоминание по способу функционирования в условиях мнемического действия остается тем же, что и в условиях любого другого (познавательного, мыслительного, практического) действия. Именно в этом смысле мы говорили выше о необходимости различать внешнюю по отношению к памяти деятельность, в которую она включена, и саму память как внутреннюю свернутую деятельность сцепления элементов внешней деятельности. Такого различия у нас не проводят, поэтому, когда говорят о произвольной и непроизвольной памяти, имеют в виду по существу совершенно различные плоскости анализа: в одном случае называют памятью деятельность (познавательную, мыслительную), которая ведет к запоминанию как к своему результату. В другом случае, наоборот, имеют в виду сам результат (побочный продукт) деятельности и называют памятью именно этот продукт. Но ведь такой продукт есть и в мнемическом действии. Непонятно тогда, почему одна память (произвольная) определяется только как деятельность, а другая (непроизвольная) только как продукт деятельности.

Соотнесение различных видов памяти обязательно и прежде всего предполагает выделение содержания, составляющего их общую основу. Согласно нашему представлению, в качестве такой основы можно рассматривать операцию временного соотнесения текущих и предстоящих актов осуществляемой деятельности как программа «примеривания настоящего к будущему». Такой подход к пониманию психологической природы памяти и соотношения основных ее видов позволяет снять отмеченные в начале статьи противоречия, характеризующие сложившуюся систему понятий концепции «деятельность — память — деятельность».

Литература:

1. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., Учпедгиз, 1926. 211 с.
2. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М., Изд-во АПН РСФСР, 1956. 519 с.
3. Выготский Л.С. Развитие высших психологических функций. М., Изд-во АПН РСФСР, 1960. 500 с.
4. Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание. М., Изд-во АПН РСФСР, 1961, 562с.
5. Зинченко П.И. Исследование психологии памяти. — В кн.: Проблемы психологии памяти. Харьков, Изд-во Харьк. гос. ун-та, 1969, с. 3 – 11.
6. Леонтьев А.Н. Развитие памяти. М., Учпедгиз, 1931. 277 с.
7. Леонтьев А.Н. Лурия А.Р., Теплов Б.М. Предисловие к кн.: Л.С. Выготский: Развитие высших психических функций. М., Изд-во АПН РСФСР, 1960, с. 3 – 10.
8. Серeda Г.К. Память и обучение как теоретическая проблема. — В кн.: Материалы I Всесоюзного симпозиума по психологии памяти. Харьков, Изд-во Харьк. гос. ун-та, 1970, с. 212-215.
9. Серeda Г.К. О соотношении основных понятий в концепции «память — деятельность». — Вестн. Харьк. ун-та. Психология, 1975, № 122, с. 3 – 14.
10. Серeda Г.К. О влиянии стратегической цели учебного действия на его мнемическую продуктивность. — В кн.: Исследование интеллектуальных возможностей и учебной деятельности младшего школьника. Ереван, 1975, с. 80 – 87.

11. Серeda Г.К. Гипотеза об основном принципе функционирования процессов памяти. — В кн.: Деятельность и психические процессы. Тезисы докл. V Всесоюз. съезда психологов СССР. М., 1977. с. 181 – 182.

12. Смирнов А.А. Психология запоминания. М., Учпедгиз, 1948. 183 с.

1979 г.

Поступила в редакцию 20.04.2009 г.

Сведения об авторе

Г.К. Серeda — доктор психологических наук, заведовал кафедрой психологии Харьковского государственного университета.